

Лу Аньжань отчитывал Чэн Ци минут десять — с каменным лицом, не сбавляя тона. Лишь когда тот пообещал, что больше никогда не будет так обращаться с Мышонком, Лу Аньжань его отпустил.

— Если повторится — лишу тебя родительских прав.

Чэн Ци видел, что тот злится всерьёз, и повинился без лишних слов:

— Больше не повторится. Обещаю.

Он, честно говоря, не ожидал, что Лу Аньжань настолько носится с Мышонком. Разговоры о здоровом питании — это одно, а вот неуклонно округляющаяся фигура грызуна красноречиво свидетельствовала о том, кто в этом виноват.

Слишком избалованный.

— Я просто хотел, чтобы ты сходил на рождественский вечер. — Чэн Ци почесал Мышонка за ухом. — Мышонку, может, и не нужна социализация. Но людям — нужна.

Кроме них с ребятами, Лу Аньжань, кажется, ни с кем толком не пересекался. К тому же многие курсы уже закончились, занятий почти нет — и Чэн Ци с закрытыми глазами мог расписать его день.

Учебный корпус. Библиотека. Столовая. Снова библиотека. Общага. И так по кругу — включая субботу с воскресеньем.

Точно механизм, отлаженный до автоматизма.

Что-то здесь не так.

Чэн Ци хотел было продолжить, но тут зазвонил телефон. Президент баскетбольного клуба — и судя по голосу, на грани срыва:

— Чэн Ци! Ты вообще собираешься просыпаться?! Клуб с ног сбился, немедленно приезжай!

Отбой. Чэн Ци покосился на Лу Аньжана. Тот молча смотрел в пол, взгляд — в никуда, мысли — неизвестно где.

Чэн Ци всё же не стал давить. Сказал тихо:

— Я так, к слову. Если не хочешь — считай, не было разговора.

— Пойду.

Дверь закрылась — беззвучно, без хлопка. Лу Аньжань смотрел, как Мышонок, насытившись, снова улёгся отдыхать, и сам почувствовал тягу к тому же — забраться под одеяло и не вылезать.

Вот бы так всегда. Спать и спать. Не учиться, не общаться, не испытывать этого тупого, давящего одиночества. И не тратить чужую доброту впустую.

Он уже занёс ногу на перекладину лестницы — и краем глаза уловил что-то на столе. Яркое, красное. Бумажка в форме рождественской ёлки, а в правом нижнем углу — мелкие золотистые буквы, ровные и плотные:

«Баскетбольный клуб ждёт вас на вечере — красавцы и красавицы, добро пожаловать!»

Что-то вроде входного билета. Наверное, Чэн Ци оставил перед уходом.

Хотя — кто только это разрабатывал. Дизайн такой, что глаза режет.

Лу Аньжань медленно спустился обратно и сделал шаг в сторону билета.

Сегодня там будет много людей, наверное?

Он не любил многолюдные места. Не умел говорить нужные вещи в нужный момент. Чем больше народу — тем сильнее зажимался: рот на замок, ни слова не выдавишь. На новогоднем вечере первого курса именно за это его и прозвали «недосягаемым цветком».

И он прекрасно знал, что за глаза некоторые называли его высокомерным.

Только что зародившаяся решимость тихо растворилась.

Несколько минут он топтался на месте — и наконец передал выбор судьбе. Кости!

У Мышонка как раз была такая игрушка. Если выпадет шесть — идёт.

Первый бросок: единица.

Он не сдался. Второй бросок: тройка.

...

На пятнадцатом броске кубик замедлился, покатился — и замер.

Шесть.

Ну, видно, так тому и быть.

Лу Аньжань размял чуть не сведённые судорогой пальцы, намотал шарф, сунул билет в карман, попрощался с Мышонком и вышел — с гордо поднятой головой.

У спортивного комплекса гордость несколько поутихла.

Людской поток перед входом было даже страшновато смотреть.

Мероприятие что, на весь университет?

Охранники в форме выстроили заграждения и регулировали движение — явно из соображений безопасности. К счастью, количество билетов, похоже, было ограничено, и после очереди внутри оказалось куда свободнее.

Лу Аньжань обвёл взглядом зал. Люди шли и шли — но ни одного знакомого лица.

Куда подевались И Фан и остальные?

Он потянулся за телефоном — сигнал почти не ловил, сообщение зависло и не отправилось.

Между «стать душой компании» и «изображать холодность» Лу Аньжань выбрал третий путь — тихо врать в угол. Но едва сделал несколько шагов, как кто-то его окликнул:

— Ты же Лу Аньжань? Я видела тебя в моментах Чэн Ци — вау, вживую ты намного симпатичнее, чем на фото!

От прямолинейного комплимента незнакомки уши чуть потеплели. Лу Аньжань поджал губы.

— Спасибо.

Девушка улыбнулась:

— Можно сфотографируемся?

Он помолчал секунду.

— Нет.

Та скривилась и ушла.

Видимо, атмосфера вечера располагала к знакомствам — каждые несколько шагов кто-нибудь заговаривал с ним, в том числе люди из баскетбольного клуба, с которыми он едва был знаком.

Перед явной угрозой включался защитный рефлекс. Но здесь — обычное общение, ничего больше.

Лу Аньжань стиснул губы, и лицо стало даже холоднее обычного — с едва уловимой растерянностью за этим льдом.

Народу, народу, народу...

Каждые несколько минут кто-то задевал его — он поправлял одежду. В узких проходах шарф неизменно застревал, и приходилось вырывать его силой, а потом перематывать заново.

И волосы. Статическое электричество от синтетики повсюду — казалось, ещё немного, и вся шевелюра поднимется дыбом.

Волосы у него слишком мягкие!

Терпеть превращение в пушистого льва не было никакого желания. Лу Аньжань притворился, что у него болит голова, зажал ладонью половину головы и принялся искать туалет — хотя бы смочить волосы водой. Привстал на цыпочки, покрутил головой во все стороны — таблички так и не нашёл.

Обернись он сейчас — увидел бы, что в нескольких шагах за спиной двое стоят с тарелками и наблюдают.

— Добрый вечер, можно взять конфеты? Вот мои жетоны, я выиграл в игре.

Чэн Ци угукнул и протянул тарелку.

— Ты забыл пожелать счастливого Рождества, — негромко напомнил стоящий рядом.

По правилам вечера победители в мини-играх обменивали жетоны на горсть конфет — и при этом полагалось сказать «С Рождеством». Схему придумал И Фан: для настроения, для радости. Чэн Ци пришёл позже всех, и эта обязанность досталась ему.

Вторым несчастным оказался президент клуба У Юнь.

У Юнь успел заметить: первые несколько минут Чэн Ци отвечал с ленивым равнодушием, но хотя бы произносил «С Рождеством» полностью. Теперь же — не глядя на подошедшего, принял жетон, сунул тарелку вперёд, а взгляд намертво прилип к одной точке в толпе.

— Ты знаешь того парня? — спросил У Юнь.

Чэн Ци на мгновение оторвал взгляд, чуть повёл глазами — и снова уставился туда же.

— Это Лу Аньжань.

У Юнь хлопнул себя по лбу:

— А, точно. Это же он снимался в рекламном ролике.

На том шашлычном вечере У Юнь не присутствовал — Лу Аньжань для него был лишь именем.

— Ваш сосед по комнате, да? — У Юнь смотрел, как Лу Аньжань с трудом пробирается сквозь толпу. — Он один пришёл. Может, подойдёшь?

Увидев, как к Лу Аньжаню пробирается знакомая фигура, Чэн Ци наконец отвёл взгляд. Бросил конфету в рот, ответил вполголоса:

— Справятся без меня.

На другом конце зала Лу Аньжань среди набегающих лиц вдруг различил знакомое — и в глазах мелькнуло что-то живое.

— Мэн Хунфэй?

— Он самый. — Мэн Хунфэй улыбнулся во все тридцать два зуба. — Ботаник Лу, наконец-то нашёл тебя!

Чэн Ци сказал ему примерное место — но в такой толпе пришлось вытягиваться на цыпочки и просматривать ряд за рядом.

Мэн Хунфэй сразу увидел, что тому не по себе. Он знал зал хорошо и увёл Лу Аньжана туда, где народу было поменьше.

Лу Аньжань, воспользовавшись затишьем, пригладил волосы — убедился, что не торчат, — и только после этого спросил:

— Искал по делу?

Мэн Хунфэй кивнул.

— Значит, такая история. Мы с подругой хотим сделать фотосессию на территории университета — на память. Ты берёшься? Я заплачу!

На съёмках рекламного ролика Лу Аньжань успел отснять для них немало личных кадров — и каждый получился на загляденье.

Но Мэн Хунфэй боялся, что у Лу Аньжана нет времени, поэтому сначала в обход зашёл к Чэн Ци — раз уж совместные фото у них в моментах, значит, отношения не чужие. Чэн Ци только ткнул пальцем в направлении зала и велел договариваться напрямую — и чем подробнее, тем лучше. Желательно с гонораром.

Он и пришёл.

Лу Аньжань ни о чём этом не подозревал. Кивнул не раздумывая:

— Конечно.

С деньгами он никогда не спорил.

Делать всё равно было нечего — он сразу перешёл к делу и принялся уточнять детали и пожелания.

Выяснилось, что подруга Мэн Хунфэя — студентка четвёртого курса, через полгода выпускается. Хочет успеть сфотографироваться с парнем, пока есть время.

Лу Аньжань переключился в рабочий режим. Потёр подбородок, заговорил серьёзно:

— По прогнозу в ближайшие дни ожидается снег. А рождественские украшения ещё не сняли

— можно совместить.

— Отлично! — оживился Мэн Хунфэй.

Лу Аньжань занёс пометку в заметки и продолжил:

— Хотите пройтись по главным точкам Университета А?

— Кошачья роща — обязательно. Там есть один домик, мы с ней сами строили. Ещё...

Минут через пятнадцать Мэн Хунфэй ушёл — довольный — и не забыл сбросить аванс на карту.

Деньги получены — значит, дело сделано. Лу Аньжань открыл прогноз погоды: снега обещали немного, придётся готовить два варианта съёмки — со снегом и без.

Он ушёл в свои мысли. Очередной желающий взять контакт получил отказ — без особых угрызений совести.

И тут Лу Аньжань осознал, что что-то в нём незаметно переменялось. Замер на секунду.

Дышать стало легче. Тяжесть вокруг рассеялась. Он шёл сквозь толпу — и не чувствовал ни малейшей скованности. Голова ясная, на душе спокойно.

Лу Аньжань добросовестно подумал две секунды и пришёл к выводу:

деньги — это действительно всё~

<http://bllate.org/book/18986/1951296>